

УДК 811.163.3: 81'367.632

О ПОСЕССИВНОЙ ФУНКЦИИ АРТИКЛЯ В МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Наталья Владимировна Боронникова

к. филол. н., доцент кафедры общего и славянского языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. natboronnikova@rambler.ru

В статье рассматривается посессивное значение определенного артикля в македонском языке. В основе значения посессивности лежит желание субъекта «присвоить» мир, включить в личностное пространство различные одушевленные и неодушевленные объекты.

Коммуникативная организация системы артикля македонского языка позволяет противопоставить сферы 1-го (проксимальность), 2-го (медialность) и 3-го (дистальность) лиц. Для говорящего важным оказывается противопоставление собственной личностной сферы чужому пространству. Нейтральное противопоставление обозначается с помощью маркеров проксимальности и медialности, а оценочно-окрашенная притяжательность основана на противопоставлении проксимальности и дистальности. «Свое» пространство осмысливается как близкое, внутреннее, привычное, хорошее, а «чужое» – как далекое, внешнее, новое, плохое.

Ключевые слова: посессивность; определенный артикль; семантика; македонский язык.

Посессивность – универсальная категория, обозначающая такое отношение между объектами внешнего мира, когда один объект (обладаемое) в том или ином смысле входит в другой (обладатель, посессор), составляя с ним единое целое. Она «... включает несколько субкатегорий, в основе которых лежат отношения обладания, принадлежности, партитивности и т.п.» [Чинчлей 1996: 100]. В основе понятийной категории посессивности лежит желание субъекта «присвоить» мир, включить в свое личностное пространство различные одушевленные и неодушевленные объекты.

Значение посессивности рассматривается в связи с понятиями локативности и бытийности [ТФГ 1996] и в соотношении с различными средствами его выражения. Как показывают исследования, категория посессивности имеет разнообразные способы выражения в языках мира: лексические и лексико-грамматические единицы (термины родства, глаголы *иметь* и *быть* (их синонимы), притяжательные и возвратные местоимения, притяжательные прилагательные, предлоги); словообразовательные аффиксы; морфологические средства (падежные формы, посессивный артикль); модели словосочетания и предложения (подр. см.: [Журинская 1998; Молошная 1989; Плунгян 2011]). Все многообразие средств выражения посессивности, как правило,

сводится к двум группам языковых средств: предикативные и атрибутивные конструкции [Бондарко 1984: 62; Чинчлей 1996: 101]. Центр предикативной посессивности составляют *быть-* и *иметь-*конструкции, в ядро атрибутивной посессивности входят притяжательные и возвратные местоимения и т.п., наполнение ядра зависит от типа языковой системы. В македонской лингвистической традиции изучению категории посессивности в когнитивном аспекте посвящены исследования Л.Митковской [Митковска 2003, 2008, 2011].

Помимо ядерных показателей посессивности, для которых указание на принадлежность, обладание, партитивность является основным, в языковых системах существуют средства, приобретающие значение посессивности только в контексте. Так, например, семантика посессивности способна развиваться у показателя определенности. В статье будет рассматриваться **посессивное значение** определенного артикля в македонском языке. Следует отметить, что специфический грамматикализованный показатель посессивности при имени, наподобие посессивного артикля в румынском языке, в македонском отсутствует.

В македонском языке **категория определенности–неопределенности** (КОН) грамматикализована лишь частично: при наличии грамматического показателя определенности – суффиксиро-

ванного постпозитивного артикля (члена в славянской грамматической традиции) – отсутствием грамматический показатель неопределенности (функции неопределенного артикля в некоторых позициях выполняет неопределенное местоимение *еден*) (подр. о КОН в македонском языке см.: [Боронникова, Овчинникова 2009; Боронникова 2010; 2011; Конески 1967; Миркуловска 2002; Поварничина 1996; Тополињска 1974, 1981–1982; Усикова 2003; Friedman 2001]).

Система македонского определенного члена содержит три показателя, которые, помимо выражения значения определенности, включающего указание на известность, идентифицированность, генерализацию, способны «локализовать» предмет в пространстве и времени относительно участников коммуникации. Сохранение «пространственной» семы в семантике артикля приводит к тому, что некоторые исследователи исключают эти показатели из системы артикля, считая их энклитическими формами указательных местоимений [Тополињска 2007: 23]. Однако традиционно все три показателя рассматриваются как артикли.

Показатели определенности в македонском языке используются для указания на три сферы:

-в – сферу говорящего (проксимальный дейксис);

-т – сферу собеседника (нейтральный с точки зрения пространственной детерминации показатель, так как в процессе коммуникации говорящий ориентируется на степень известности предмета речи для слушающего) (медиальный дейксис);

-н – удаленный от говорящего (или от говорящего и слушающего) предмет (дистальный дейксис).

С помощью пространственной членной формы (проксимальной и дистальной) говорящий не только маркирует положение предмета в пространстве относительно участников речевого акта, но и указывает на вхождение этого предмета в некую личностную сферу: собственную или чужую. Все это позволяет говорить о дейктических показателях как о своеобразных маркерах посессивности.

Как отмечает Т.В.Цивьян, «когда говорящий присваивает язык (*s'arrprogrie la langue*), он прежде всего разделяет пространство на две составляющих: *близко* и *далеко* (как и время). И обычно близкое пространство воспринимается как *свое*, а далекое – как *чужое*. Мы видим, как легко смешиваются категории пространства и времени с категорией посессивности, как легко они перетекают одна в другую. Это пример человеческой способности к метафорическому мышлению» [Цивьян 1987: 122]. Характер посес-

сивов позволяет очертить границы личностного пространства, его временную и пространственную отнесенность, индивидуальное наполнение, включенные сюда феномены (см.: [Апресян 1986; Боронникова 2011; Иванов 1989; Топоров 1986; Цивьян 1987]).

Познание человеком мира и присвоение познанного отражаются в языковой системе. Наиболее «прозрачно» с позиции обладания так называемое **физиологическое пространство**: человек, его тело и отдельные части тела, являющиеся органической, неотчуждаемой собственностью. Тело человека в этом случае выступает как некий микромир со своей внутренней и внешней организацией. К физиологическим объектам неотчуждаемой собственности в научной литературе, посвященной описанию категории посессивности, относят все части тела, кроме отрастающих (волосы, ногти и т.п.) [Головачева 1989: 49]. Основу понятия неотчуждаемости составляет партитивность. Как отмечает М.А.Журиная, это понятие используется в тех случаях, «когда речь идет о денотатах, представляющих парциальное целое и его части» [Журиная 1979: 296]. Понятие партитивности способно использоваться как в прямом значении, так и в метафорическом, распространяясь на другие феномены (наименования членов семьи, родственников, друзей, части жилища, продукты деятельности). При этом специфические грамматические показатели для обозначения неотчуждаемой собственности не используются, она выражается лексическими средствами.

Анализ языкового материала показывает, что органическая собственность посессора может обозначаться маркером проксимального дейксиса в том случае, когда субъект посессии и субъект речи совпадают. В качестве объекта посессии выступают обозначения внешних (*снагава*, *телово* ‘(это/мое) тело’, *ракава* ‘рука’, *дланкава* ‘ладонь’, *ногава* ‘нога’, *петицава* ‘пятка’, *прстов* ‘палец’, *градиве* ‘грудь’, *гушава* ‘шея’, *устава* ‘рот’, *забиве* ‘зубы’, *очиве* ‘глаза’, *кожава* ‘кожа’, *раменава* ‘плечи’, *увово* ‘ухо’ и др.) и внутренних органов (*лажичкава* ‘ложечка’, *цревава* ‘кишки’, *срцево* ‘сердце’, *крајнициве* ‘миндалины’, *жилава* ‘жила’, *коскава* ‘кость’, *мозок* ‘мозг’, *јазиков* ‘язык’ и др.):

(1) *Јас офкам, си ги презризувам вилиците, да не чуе Јон, да не чуе никој. Ама одозгора едно за друго ми слегуваат некакви заплеткани конци, некои пајажини ми паѓаат вака право, како голема сенка и јас се барам со рацeve и се бранам со рацeve... Ја кинам сенката со ноктите и веќе почнувам да викам, не се додржува гласот. ‘Я охаю, сжимаю челюсти, кусаю губы, только бы не услышал Йон, только бы никто не услышал. А*

сверху спускаются какие-то нити, паутина, словно огромная тень, падает прямо на меня, я ощупываю себя (руками), отмахиваюсь от нее (руками)... Раздираю эту тень ногтями и уже не могу сдерживать криков, голос рвется изнутри' (Андр., 34).

(2) *Ги забришувам децата и пак молзам млеко. Ама ништо не им прима устата. Само се тресат и горат. Трчам да ги заграм некако. Збирам суви лисја од под буките и им правам легла, ги завиткувам. Ги клавам и на градиве, ги топлам со срцево. Со мојава кожа ги топлам. Пак ништо. Леле, боже, кај да одиме, болеста оди по нас. 'Я обтираю детей и опять дою [козу. – Н.Б.]. Но они не могут пить. Только трясутся в лихорадке. Я бегаю, пытаюсь их хоть как-то согреть. Собираю сухие листья из-под буков, делаю им постель, укрываю. Прикладываю к груди, пытаюсь сердцем своим согреть. Телом своим грею. Никак. Боже мой, куда ни пойдем, болезнь повсюду преследует нас' (Андр., 149).*

Член в высказывании редко бывает единственным показателем посессивности. Так, в первом примере используются рефлексивно-возвратные глаголы *се бара* 'ощупывать себя', *се брани* 'защищать себя', которые указывают на то, что действие субъекта направлено на него самого. Во втором примере показатель проксимальности сопровождается притяжательное местоимение 1-го л. (*мојава кожа*).

Кроме того, членная форма имени может подкрепляться специальными синтаксическими конструкциями с дательным принадлежности, как в примерах 3–4, где при глаголе используется энклитическая форма личного местоимения в дат.п. (*ми*) в качестве указания на субъект посессии:

(3) *Одев како да ми беа потсечени нозеве, знаев зошто се смеат. Срцево ми се стегна од помислата на какво место ја носам милата Ген. 'Ноги у меня подкашивались, я знал, почему они смеются. Сердце мое сжималось при одной мысли о том, куда я веду милую Ген' (Чин.1, 176).*

При этом мы можем наблюдать четкое противопоставление в оформлении личностной сферы говорящего и слушающего, в первом случае используется показатель проксимальности (*-в*), а во втором – медиальности (*-т*):

(4) *«Твоето кажувье во едново уво ми влегуе од другово ми излегуе!» 'То, что ты мне говоришь, у меня в одно ухо влетает, а из другого вылетает!' (Плав., 41).*

Если говорящий желает подчеркнуть местонахождение объекта речи относительно себя самого, то ближайший объект он обозначает с помощью показателя *-в*, невзирая на его реальную принадлежность, а удаленный маркирует показа-

телем дистальности *-н*. В примере (5) субъектом посессии является слушающий:

(5) *«Те фати орото, ред е да знаеш какви зурли и тапани ти свират. Арно ама, сега што ќе ти кажам, не сум ти кажал, а тебе во едново уво ќе ти влегуе, од другоно да ти излегуе! Разбра?!» '«Пустился в пляс, так неплохо знать, что тебе играют. Да только то, что я тебе скажу, пусть и умрет в тебе, как в одно ухо влетело, так из другого вылетело! Ясно тебе?!»' (Плав., 29).*

Сходным образом могут противопоставляться сферы первого и так называемого третьего лица, не-участника коммуникации. Если 3-е л. находится в пределах физической досягаемости говорящего, как в примере (6), то его сфера маркируется нейтральным показателем *-т*, если же говорящий желает подчеркнуть удаленность предмета речи, в том числе и его неприятие, то использует показатель *-н* (7, 8):

(6) *Здравко си послал едно рогузиче на подот и лежи. Така: ни заспан ни разбуден. Само малку ги подотвори очињата, а во нив нешто ко чад, ко облаче влезено. Ко налеиште насобрано.*

– *Што ти е, море Здравко, му викам, и го фаќам по лицето.*

Обравчиња ми жежат на дланкиве. 'Здравко постелил себе на полу рогожку и лежит. Так и лежит в полусне. Лишь приоткрыл немножко глазки, а они словно дымкой подернуты, будто облачко набежало. Тучка дождевая.

– Что же с тобой, Здравко? – кричу я, щупаю лицо. Щечки обжигают мне ладони' (Андр., 108).

(7) *... на оние електрични ленти омразени кај жените, а омилени кај мажите една надежна турбо-фолк звезда ги тресеше своите бутови. Бутови кои сигурно беа неисцрпен мотив кај остатоците од посетителите.*

– *А глеј како ги тресе г'зоине.* '... на одном из тренажеров, которые так ненавидят женщины и так любят мужчины, крутила бедрами какая-то подающая надежды турбофолк-звезда. Её бедра были неисчерпаемой темой для разговоров у остальных посетителей: «Гляди, как окороками трясет!»' (Горѓ., 53).

(8) *Јас ќе и најдам на Антица маж богат и, онака, зрел човек во години, а не што лапа муви како оној копук. Да го обесиш со нозене угоре пет пари скришени не ќе паднат од џебовине негови. 'Я найду для Антицы мужа богатого, человека зрелого, в годах, а не такого раззяву, как этот бездельник. Его даже если и подвесить кверху ногами, гроша ломаного из карманов не вытрясти' (Крле, 96).*

Маркирование неотчуждаемой собственности с помощью показателя проксимальности в сфере 1-го л. происходит непоследовательно. Так, в

примере (9) мы видим колебание в употреблении членной морфемы с существительным *нозе*: говорящий обозначает его с помощью то показателя проксимальности, то показателя медиальности (*нозете*, *нозеве*). Это показывает, насколько субъективно употребление дейктических форм в тексте: говорящий помечает объект посессии и как неотчуждаемую, и как отчуждаемую собственность. В данном случае это объяснимо – больной не ощущает своих ног, поэтому, скорее всего, говорит о них как об отделяемом от тела объекте, однако эту закономерность удастся проследить далеко не всегда (см. обозначение частей тела в (10)):

(9) – *Некоја планина ми седнува на раменава, вели Јон, и ми тежи, ме снижува надолу. Единпати тежината ми слегува на нозете, вели, од рацеве се преместува на нозеве. ... Ако легнам, срцево ми трча... ‘ – Мои плечи, словно горой придавило, – рассказывает Йон, – тяжело мне, тянет к земле. Груз спускается к ногам, – говорит, – с рук сползает в ноги... А как лягу, так сердце начинает колотиться... ’* (Андр., 241).

(10) *Еднаш, во еден глупав, астролошки прирачник, ги дадов своите генералии, за тој да ми ја открие тајната на мојот претходен живот. И замисли што испадна. Дека не сум имал само еден, туку цели 2 (два) претходни животи. Привидот во 11 век. Сицилија. Вработен сум како дворски шут на неговата екселенција. И народен пејач. Вториот во 16 век. Чешка. Прага. Живеам како познат и признат алхемичар. Не оној на Куелјо. Јас сум ти бил нешто посебно. Толку многу посветен на својата наука, што ќе ме чини живот. Умирам при дегустирање на растворот кој сум го создал. За доброто на човештвото. Е, сега, ова со дворскиот шут и народниот пејач некако и би можел да го сварам. Ама, алхемичаров... отрови, киселини, алкохоли, тревки... А можеби и има врска, пријателе мој. Во тој живот сум загинал од една епрувета со раствор. Но, затоа во овој, што сè не ми се прошетало низ цревава, што сè не ми го провоцирало чирот, што сè не ми се дружело со желудничокот, на што сè ми се отпорни белите дробови. И на крајот на краиштата, веќе имам големи шанси да се реинкарнирам и по трет пат. А ако веќе дојде до тоа тогаш би сакал да бидам банкар во Цирих, музички продуцент во Лондон, или адвокат во Л.А. ‘Однажды по какому-то глупому астрологическому пособию я проверил свои данные, чтобы узнать тайну предыдущей жизни. И подумать только, что получилось. Якобы у меня была не одна, а целых 2 (две) предыдущих жизни. Первый раз я жил в XI в. на Сицилии. Был придворным шутом и народным певцом. Второй раз я жил в Чехии. В Праге. Был*

известным и признанным алхимиком. Не таким, как у Коэльо, я был выдающимся алхимиком. Всю свою жизнь я отдал науке. А умер при дегустации раствора, который сам и создал. На благо человечества создал. Ну, что касается шута и певца, это еще как-то можно переварить. А вот алхимик... яды, кислоты, спирты, травы... А, может, и правда, друг мой. В той жизни меня погубила пробирка с раствором. Поэтому в этой чего только не проходило через мой кишечник, не провоцировало язву, не раздражало желудок, не отравляло легкие. И в конце концов у меня есть шанс возродиться в третий раз. И если это произойдет, то я бы хотел быть банкиром в Цюрихе, музыкальным продюсером в Лондоне или адвокатом в Лос-Анджелесе’ (Цамб., CLXXXII).

Если же предмет «неотчуждаемой собственности» доставляет особое беспокойство, говорящий предпочитает полностью «дистанцироваться» от него (11):

(11) *Наслов: Одг: На пиво... Порака од: zeroSignal на Септември 03, 2012, 09:44:43. Ја доаѓам, 19:00. Ама, ќе пијам кафе. Уште болит главана од вчера. ‘Тема: Отв. на сообщение zeroSignal от 3.09.2012, 09:44:43. «На пиво...» Я приду, в 19.00. Но буду пить кофе. Башка еще со вчерашнего трешит’* (<http://forum.carclub.mk>).

Такие части тела, как волосы и ногти (*косава*, *ноктивe*), которые обычно относят к группе объектов отчуждаемой собственности, также могут использоваться в текстах с показателями проксимальности, а это говорит о том, что для выбора дейктического показателя фактор отчуждаемость–неотчуждаемость нерелевантен, говорящий ориентируется на более общее значение принадлежности (12, 13):

(12) *Шампонот Dove е ненормално добар овде во Америка... Јас од два месеца користење косава како нова ми е... ‘Шумпунь «Dove» исключительно хорош здесь, в Америке... Два месеца уже им моюсь, и волосы у меня стали как новенькие...’* (www.forum.femina.mk).

(13) *Добро бе луѓе, ги откиснав ноктивe во ацетон, прстите ми се спурија ко на 90 годишна баба... За џабе. Колку време треба да ги држам? Половина час ги држев сигурно, ги тргнав – џабе, а со натопено во ацетон памукче ми беа. Како по ѓаволите да го тргнав ова? ‘Люди добрые, я пыталась размочить лак на ногтях в ацетоне, пальцы у меня сморщились, как у девяностолетней бабки, а ногти не отошли. Сколько держать ацетон? Я полчаса точно держала на ногтях ватный диск, смоченный в ацетоне, – и ничего. Как, черт побери, это убрать?’* (www.forum.femina.mk).

Как продолжение своего тела человек иногда воспринимает одежду (*опинциве* ‘опинки [кре-

стьянская обувь из кожи. – Н.Б.], *чевливе* ‘ботинки, туфли’, *маицава* ‘майка’, *панталониве* ‘брюки’, *фустанов* ‘платье’, *кошулава* ‘рубашка’, *чоративе* ‘носки’ и др.), некоторые инструменты, с помощью которых совершает какие-либо действия (*пенкалово* ‘ручка’, *моливов* ‘карандаш’, *лопатава* ‘лопата’ и др.), даже насекомых, паразитирующих на теле (*болвиве*, *вошкивее*):

(14) *Се обсрнувам и го здогледувам Лазора Ночески. Не знам од кај се најде, никој в село не остана. Се фаќам под гушата, се тријам, се прибирам, се соземам.*

– *Господ ме удри, Лазоре, велама, и Свездан ми свисна. И Свездан ми отиде, велама, така увилена, вудвосана.*

– *А Капинка, кај ти е Капинка, праишува Лазор Ночески.*

– *Капинка одутрина ја закопава, велама, а Свездан за вечерва ми остана, велама и ги кревам очите кон кај што навалува сонцето.*

– *Е пукни сега, господе, велама, што ќе ми земеш повеќе: **опинциве**, **болвиве**, што, викама. Земи ме барем и мене, викама, за да немаш повеќе работа кај мене. Земи ме, викама, да не се вејам како суво дрво, како вејавица. Луѓе, викама, ако го сретнете некаде господата, викама, убивајте го, не мислете му ја, искришете му ги нозете, изгазете го, викама. Ах, што не можат очиве да ми го видат!... ‘Я оборачиваюся и вижу Лазора Ноческого. Не знаю, как он тут оказался, никого же в селе не осталось. Провожу рукой по шее, вытираю, пытаюся привести себя в порядок, взять в руки.*

– *Господь меня наказал, Лазар, – говорю, – и забрал моего Звездана. И Звездан меня покинул, – говорю я с тоской, согнувшись.*

– *А Капинка, где твоя Капинка? – спрашивает Лазар Ноческий.*

– *Капинку я еще утром схоронила, – говорю, – Звездан вот на вечер мне остался, – говорю и поднимаю глаза к небу, туда, где заходит солнце.*

– *Чтоб тебе пусто было, господи, что ты еще хочешь у меня отнять, **опинки**, **блох**, что? – кричу я. – Прибери и меня, – говорю, – нечего мне больше здесь делать. Забери меня к себе, – кричу я, – чтоб не трепыхалась я, как сухое дерево на ветру. Люди, если вы где-нибудь встретите господата, убейте его, не раздумывая, ноги ему переломайте, растопчите его. Ах, если бы только он мне попался! – ору я’ (Андр., 168–169).*

(15) *Имам среќно пенкало, коа пишувам со него стално петки вадам. **Пенкалово** го чувам само за писмени. ‘У меня есть счастливая ручка, когда я ею пишу, всегда пятерки получаю. **Ручку эту мою** я приберегаю только для контрольных’ (<http://forum.kajgana.com>).*

Следующую группу составляют членные именные синтагмы, обозначающие физиологические проявления человеческого организма (*солзиве* (*солзине*) ‘слезы’, *мрсуливе* (*мрсулине*) ‘сопли’, *лигиве* (*лигине*) ‘слюна’ и др.), связь между посессором и этими явлениями основана на отношении смежности. Чаще всего конкретные физиологические явления обозначаются нейтральным показателем определенности. Их обозначение с помощью дейктически маркированных показателей находится в прямой зависимости от отношения говорящего к объекту посессии: если говорящий имеет в виду себя или кого-то, к кому испытывает добрые чувства, например ребенка, домашнего любимца, используется показатель проксимальности. И наоборот – если говорящий крайне негативно относится к субъекту посессии (это может быть и метафорическое использование слова), посессивность выражается с помощью показателя дистальности.

На подобных основаниях (отношениях смежности) построена связь между человеком и его психологическими и интеллектуальными свойствами. Эти проявления человек также рассматривает как внутренние и внешние (*моево сочувство* ‘мое сочувствие’, *душава* ‘моя душа’, *животов* ‘моя жизнь’, *нашава живеачка* ‘наше житье’, *умов* ‘мой ум’ и др.). При присоединении пространственно окрашенной членной морфемы к обозначениям абстрактных свойств происходит конкретизация, их привязка к определенной личности, времени и месту:

(16) *Виe, рече, **животов** сакате да ми го зацрните, а црн не ми треба!* ‘Вы, – говорит, – **жизнь мою** хотите погубить, а на что она такая мне нужна!’ (Крле, 162).

Вторая семантическая группа объектов обладания включает выражения, обозначающие **социальные связи** посессора, которые образуют его личностное пространство. Эта группа организована по модели, аналогичной антропоцентрической. Как известно, личностное пространство говорящего формируется на основе конкретного физического пространства и конкретного отрезка времени. К этим ориентирам «привязаны» люди, предметы, события. Так, феномен «**дом (квартира)**» включает объекты «семья», «родственники», «животные», «друзья», «предметы собственности» и т.п.; феномен «**дом (здание)**» – «соседи», «друзья»; феномен «**квартал, район**» – «соседи», «друзья», «знакомые»; «**офис**» – «коллеги», «друзья», «начальство», «работа», «результаты работы»; «**город**» – «соседи», «друзья», «знакомые», «прохожие», «жители города», «городские реалии», «**страна**» – «политики», «медийные личности», «соотечественники», «этносы», «реалии», «события» и др.

Пространство может расширяться до уровня части света, планеты и даже вселенной.

Пространство посессора строится как некая сфера, состоящая из концентрических кругов, накладывающихся друг на друга: наиболее тесные связи просматриваются в личном, интимном круге обладателя, куда он включает наиболее близких и дорогих ему существ; дальнейшие разновидности контактов отражаются через проекции социальных связей личности, формирующих уже не личное, а так называемое личностное пространство. И в этом случае индивид способен использовать механизм «присваивания», маркируя как «близких» только тех, кто сходен с ним духовно, интеллектуально, профессионально, кто высказывает схожие религиозные, политические, научные идеи и т.п. Границы между этими «кругами» достаточно произвольны, личность по усмотрению может включать в свою сферу новых членов и исключать тех, кто становится ей неприятен, это могут быть даже те, кто традиционно принадлежит к сфере «неотторжимой» собственности – члены семьи, близкие родственники. Помимо одушевленных объектов в эти сферы способны включаться предметы, находящиеся в каких-либо связях с посессором, его собственностью, людьми, входящими в «его» сферу, а также результаты его социальной деятельности.

Естественно, что чаще всего в качестве объектов принадлежности используются названия родственников, членов семьи, в том числе и домашних животных, расширение личностного круга происходит за счет включения в эту сферу друзей, соседей, коллег и т.п., таким образом собственно личное пространство расширяется за счет социальных связей говорящего. Так, наиболее близки говорящему собственные дети:

(17) *Ако појдам и јас в планина, може да ми се доразболат децата.* ‘А пойдй я в горы, дети мои совсем расхвораются’ (Андр., 146).

Как члены семьи, входящие в интимное пространство, воспринимаются и домашние животные, при этом субъект речи не испытывает брезгливости, даже описывая неприятные физиологические особенности животного:

(18) LittleFairy 16 Авг 2012, 12:07. *Многу си го сакам мачоров уште од мал. Има 6 години, се е ок ама ептен е одвратен за галење. Цел е со рани, и едвај чекаме да дојде зима за да му пораснат влакна и да не се тепа веќе со други мачори. Мене лично не ми е гад што е таков пошто сум огромна мачарка и не ми смета, другиве не го допираат и не ми е гадле, ама не ми е за нас што ни е гадно туку ми е жал за него, партал се праи со еден мачор 😞 Цел е лом. Ама не ми беше тоа прашањето, туку секогаш кога го галам морам*

кај главата да му ставам некое марамче, крпче зашто кога ќе му се уарни почнуваат да му течат лиги 🤢 а исто така многу рчи како чоек некој, иначе што е со лигиве? Некој совет? 🙄. ‘Я своего кота обожаю еще с тех пор, когда он был котенком. Сейчас ему 6 лет, все ок, но его очень противно гладить. Он весь израненный, мы ждем не дождемся зимы, когда он обрастет шерстью и уже перестанет драться с другими котами. Мне лично все равно, что он такой, я кошачница, и мне это не мешает, а другие пускай и не гладят. Но я не из-за нас, мне кота жалко: он с одним котом дерется в хлам. Весь переломанный. Но я не об этом хотела спросить. Дело в том, что когда я его глажу, приходится ему платочек подставлять, потому что когда он разнежится, у него начинают течь слюни, и храпит он, как мужик какой-то. Вопрос: что делать со слюноотделением? Кто поможет советом?’ (<http://forum.femina.mk>).

Подобным образом могут обозначаться другие члены интимного пространства: супруги, родственники, однако использование артикля в этом случае находится в прямой зависимости от эмоционального состояния говорящего. Как правило, субъект речи говорит о людях, входящих в его интимный круг, как о близких к нему существах, но обиды, расстройство, гнев заставляют его «отталкивать» их от себя, дистанцироваться:

(18) *И да знаете дека е така! Ова моето мајгле е едно на мајка. Уствари има брат, ама тој знае каде стои лебот. Ова моево е ко на гости цел живот.* ‘И, знаете, это так! Мой муженек – маменькин любимчик. Вообще-то, у него есть брат, но у того руки из нужного места растут. А мой всю жизнь как в гостях’ (<http://www.ringeraja.mk>).

Как мы видим из примера (18), помимо прямой номинации через термин родства в текстах часто встречаются наименования с помощью субстантивированного личного местоимения (*мојов, твојон, вашите* и т.п.), где член выполняет не только демонстративную, но и субстантивирующую функцию. Следует сразу оговориться, что личное местоимение в членной форме в текстах очень часто используется в анафорической функции, поэтому может иметь самые разнообразные референциальные отсылки к одушевленным и неодушевленным объектам, не только к названиям супругов. В этих случаях нередко наблюдается удвоение детерминатива: одновременное использование указательного местоимения и членной морфемы, за счет чего возникает эффект повышенной эмоциональности (подробнее о двойной определенности в македонском см.: [Боронникова 2010]).

Использование пространственного детерминатива зависит в этом случае от двух факторов: это нахождение предмета речи в сфере физической досягаемости говорящего (19) и включение его в личностную сферу (18):

(19) *Просто ми е срам, продолжи, да раскажувам како сум ја добил. Никој нема да ми верува. Ке ми се смејат. Како што ми се смејат моине дома.* ‘ – Мне просто стыдно рассказывать, как я ее [куртку. – Н.Б.] получил, – продолжил он. – Мне никто не поверит. Все будут смеяться. Вот мои домашние смеются надо мной [те, что дома, те, что сейчас не со мной. – Н.Б.]’ (Чаш.2, 294).

В примере (20) показатель проксимальности используется как маркер личностной принадлежности (*мојов пријател, народов*) и в текстовой анафорической функции (*човеков*):

(20) *Инаку, пописот знае да биде забавна работа. Едно мое пријателче на времето беше пишувач со јурисдикција на статистичката епархија Шутка и Топаана. Месец дена правевме ономастички заеваници од креативноста на кумовите во Шутка. Цели генерации Сандокани, Маријани и Мадони. Точно знаеш кој кога е роден ако знаеш во која година се давала некоја серија. Нај-нај беше еден тип што синот го крстил Џибиел. Мојов пријател бил малку изненаден од името на потпрашал: «Како тоа Џибиел? Гордиот татко веднаш разјаснил: «Џибиел бе, како они звучниците!» Испаднало дека човеков на времето купил звучници од горенаведената марка и толку му се бендисале што решил во нивната чест да го крсти својот син! Живми сè, вакви работи ми враќаат верба во народов.* ‘Вообще, перепись может быть весьма забавной штукой. Так, один мой приятель работал в комиссии по переписи населения в статистической епархии Шутка и Топаана [цыганские кварталы г.Скопье. – Н.Б.]. Целый месяц мы потешались над ономастической изобретательностью кумовьев из Шутки. Целые поколения детей по имени Сандокан, Марианна, Мадонна. Не ошибешься, когда и кто родился, если знаешь, в каком году какой сериал шел. Самым выдающимся был тип, окрестивший сына Джибиелем. Мой приятель настолько был ошарашен этим именем, что переспросил: «Как это Джибиель?» Гордый отец разъяснил: «Ну да, Джибиель, как колонки!» Оказывается, человек когда-то купил колонки вышеуказанной фирмы, и они так пришлись ему по душе, что он решил в их честь назвать своего сына! Клянусь, такие поступки возвращают мне веру в наш народ’ (Трендо, 281).

В сфере 1-го л. в македонском языке часто используется инклюзивное притяжательное ме-

стоимение *наш* и производные от него лексемы (*нашинец, нашински*), которые показывают, что человек осмысляет себя как часть социума с единой территорией, государственным устройством, языком и др. (*нашава земја* ‘наша страна’, *нашава држава* ‘наше государство’, *нашава влада* ‘наше правительство’, *нашиов претседател* ‘наш президент’, *нашиов јазик* ‘наш язык’):

(21) *Некој нашинец ја добива Нобеловата награда за својата оригинална аксиома «Човек на човека му е марула». Ретките странски авантуристи кои во скафандери доаѓаат кај нас, се чудат како после толку страдања, нашиот човек успеал да задржи дури и такви галантни манири, како е ставањето рака на уста кога се кашла. А нашиов го прави тоа за да не излета некој орган... ‘Один из наших получает Нобелевскую премию за свою оригинальную аксиому «Человек человеку – кочан салата». Редкие иностранные авантюристы, которые в скафандрах приезжают к нам, удивляются, как после таких страданий наш человек смог сохранить столь галантные манеры, как, например, привычка прикрывать рот рукой при кашле. А наш это делает, потому что боится, как бы у него не вылетел какой-нибудь орган’ (Трендо, 12).*

Кроме социальных приоритетов говорящего в текстах отражаются его мифологические и религиозные представления. Так, оппозиция Господь – Сатана предполагает включение в личностное пространство Всевышнего. Тот, что на небесах, «там высоко», гораздо ближе человеку, чем «зеленый» Сатана, обитающий на земле. Назначение дейктика в этом случае, скорее всего, связано с сакральной функцией, человек чувствует себя в безопасности под защитой Бога, полностью полагаясь на его мудрость и всемогущие:

(22) *КРЧМАРОТ (како да се пробудил од длабок сон) Их, колку јасна ноќ, Алахова! (се крсти). Толку чисто и јасно месечинче, чудесија!*

ПЕТЕЛОТ Да, на месечикето мана му нема!

КРЧМАРОТ Си знае Горников, брате! Токму како што прилега, Светло, Светло, Светло. И високо, високо, високо, (за себе) ‘ТРАКТИРЦИК: (словно пробудился от глубокого сна). Ах, какая лунная ночь, божья ночь [букв. алахова. – Н.Б.]! (крестится). Какая чистая и ясная луна, чудеса!’ ПЕТУХ: Да, на луне ни изъяна! ТРАКТИРЦИК: Всевышний все знает, брат! Все как подобает, светло, светло, светло. И высоко, высоко, высоко (про себя)’ (Чин.2, 431).

(23) – *Луѓе – панично вресна Шипка. – Овој сака да нè изловат како глумци!*

Вук молчеше. Крајното изненадување во него се мешаше со болка. Жилата во вратот подмно му татнеше. Но ова беше премногу. Се крена

пак на лактите, овојнат претпазливо, но тие му пропаднаа во перјето од перницата. Немошен да стори нешто повеќе, прочкрботи со едрите, здрави заби.

– Така, нели? – му се откорна најпосле и плукна со сета сила. – Тфуј! Срам да ти е, срамото над срамотите!

– Не плукај го човекот, ти! – остро се јави Новиот.

– Човек никогаш не бил, ниту ќе биде! Поган црвец е, без грбник и без коски, или **зеленион сатана** го пратиш овде... ‘– Люди, – истерически взвизгнул Шипка, – этот хочет, чтоб нас всех переловили, как мышей! Вук молчал. Крайнее удивление смешалось в нем с болью. Только жилка на шее предательски билась. Но это было уже слишком. Он приподнялся на локтях, на этот раз осторожно, локти провалились в мягкий пух подушки. От бессилия он только скрипнул крупными, здоровыми зубами. – Так, значит? – наконец вырвалось у него, и он плюнул изо всех сил. – Тьфу! Стыдоба, позорище! – Эй ты, не плюй в человека! – резко подал голос Новый. – Никогда он не был человеком и не будет! Червь поганый, без хребта и костей, **зеленый Сатана** послал его сюда...’ (Арс., 41).

Что касается оформления «чужого» пространства, то его оформление зависит от отношения говорящего к «чужой принадлежности». Так, в нижеследующем примере употребление дейктиков со значением дистальности в сфере 2-го л. свидетельствует о негативном отношении говорящего к приятелю собеседника, зядлому игроку. Говорящий не только дистанцируется от человека, не владеющего собой, но и высказывает свое презрение к нему:

(24) *Рецепционерот се обидуваше да биде љубезен. «Оној твојот пријател е ненормален. Пак се симна. Ене го, таму е».* ‘Дежурный администратор попытался быть любезным: «**Этот твой приятель** ненормальный. Опять внизу [в казино. – Н.Б.]. Вон он, там’ (Дамб., XLVIII).

В грамматическом оформлении именной группы отражается степень освоенности географического пространства, особенно отчетливо это проявляется при использовании членных форм имен собственных. В македонском, как и в любом другом артиклевом языке, имеются разряды имен собственных, которые используются только в членной форме (названия горных массивов, озер, морей, океанов и др.). Однако если членная форма присоединяется к географическим названиям, не входящим в вышеперечисленные группы, это говорит об особом эмоциональном отношении говорящего к предмету речи, особенно если используются пространственно окрашенные членные формы.

Показатель проксимальности свидетельствует о том, что говорящий мыслит себя внутри некоторого пространства или считает какой-либо объект частью своей территории, при этом относится к нему как к родному и любимому. Дистальность же указывает на его удаленность или исключенность из личностного пространства и часто передает негативное говорящего отношение к референту. Как отмечает Т.М.Николаева, «семантика привычного, любимого по отношению к 1-му л. часто приобретает еще одно прагматическое значение: ‘хороший, положительный’ [Николаева 1989: 238]. Кроме того, по замечанию Е.М.Вольф, зона 1-го л. может смягчать отрицательную оценку, а зона 2-го и 3-го л. способна передавать отрицательную оценку [Вольф 1985: 180]. В македонском языке негативное отношение маркируется использованием показателей дистальности в сфере принадлежности 2-го и 3-го л., потому что основная задача говорящего, на наш взгляд, здесь состоит не в выделении сферы конкретного лица, а в противопоставлении собственного пространства чужому. Что же касается использования показателя проксимальности в пейоративном контексте (см., например, (27)), то здесь действительно наблюдается смягчение отрицательной коннотации за счет сохранения семы «принадлежащий мне, нам»:

(25) *Првото прашање е: Што е ова што нè опкружува?*

– *Мојата соба! Во Скопје!* – ми излета, не сакајќи, првата очигледност, а тој не можеше да издржи да не се изнасмее.

– Добро. А *твојата соба* е дел од...?

– *Од зградава, од Скопјево, од Македонија-ва...* – почнав да се колебам бидејќи неговиот посмешлив поглед велеше дека не е восхитен од одговорот. Нешто како малечко пламенче во неговото лево око ми велеше дека тој, всушност, не бара буквален одговор. Тоа пламенче игрово ме тераше да трчам напред со мислата...

– *Од светот, од природата!* – клапнато реков знаејќи дека е тоа крај до каде требаше да ме однесе прашањето... ‘Первый вопрос: Что нас окружает? – **Моя комната? В Скопье!** – вылетел у меня непроизвольно первый очевидный ответ. Он не смог сдержать смех. – Хорошо, а твоя комната – это часть...? – **Нашего дома, Скопье, Македонии...** – я начала колебаться, потому что его взгляд говорил, что он не очень доволен ответом. Маленький огонек в его левом глазу подсказывал, что ему вообще-то не нужен буквальный ответ. Этот огонек играючи заставлял меня думать... – Мира, природы! – устало выдохнула я, уже зная, что это правильный ответ...’ (Влад., 87–88).

(26) *«Аман мајсторе, ал' толку риби има Вардаров наши?»* '«Ой-ой, брат, неужто столько рыбы в Вардаре нашем?»' (Плав., 59).

(27) *Толку млад свет без работа има во Македонијава, ужас еден...* 'Столько молодежи сидит без работы у нас в Македонии, ужас просто...' (Дир., 114).

(28) *Тегли право Скопје, ќе го бараш Пулигаз, името мое ќе му го спомнеш, белким ќе се сети Пулигаз, тој ти е глава голема, ама малку тврда, матна, двапати името да му го споменеш, бргу заборави Пулигаз вол во газ не знае да убодне, офтика фатив дур го научив права – крива да исправа на аналфабетскиот курс во Битола четирисет и осмата (јали и деветтата) ама сега манукот жари и пали по Скопјено, голема свертка стана, од Водно ќе прдне – дур до Вевчани, Окиси и Косел ќе засмрди.* 'Отправляйся напрямиком в Скопье, спроси там Пулигаза, скажи, что от меня, может, он и вспомнит. Пулигаз такой: голова большая, но туповатая, мутная. Дважды мое имя ему повторишь: до него долго доходит, зато он быстро все забывает, дубина. Ох, и намучился я, пока его читать-писать учил в Битоле в сорок восьмом (или сорок девятом). А сейчас детина – царь и бог там в Скопье, большим человеком стал, на Водно газы пустит [Водно – район в Скопье, где жили влиятельные люди. – Н.Б.] – дух аж в Вевчани, Окиси и Коселе стоит [села на юго-западе Македонии. – Н.Б.]' (Крст., 75).

Таким образом, пространственно маркированные показатели определенности македонского языка в контексте приобретают новые смыслы. Идентифицируя и конкретизируя тот или иной денотат или отсылая к уже упомянутому ранее референту, они одновременно вписывают его в сферу принадлежности посессора. Благодаря коммуникативной организации дейктической системы македонского языка, гипотетически возможно противопоставление сфер 1-го, 2-го и 3-го л., однако для говорящего более важным оказывается противопоставление своей личностной сферы чужому пространству. При этом нейтральное противопоставление обозначается с помощью маркеров проксимальности и медиальности, а оценочно-окрашенная притяжательность основана на противопоставлении проксимальности и дистальности. «Свое» описывается как близкое, внутреннее, родное, привычное, интимизированное, хорошее, а чужое – как далекое, внешнее, чуждое, непривычное, новое, часто плохое.

Посессор вокруг себя организует своеобразное личностное пространство (локус обитания), организованное по антропоцентрической модели. В этот локус включаются одушевленные и

неодушевленные объекты, являющиеся неотторжимой или временной, приобретенной собственностью посессора. Это могут быть органические и физические объекты, разного типа результаты человеческой деятельности и социальные перемены. Отношения между посессором и объектами обладания основаны на понятиях обладания, принадлежности, партитивности, однако для маркирования их с помощью дейктических показателей определенности это нерелевантно. Для говорящего наиболее существенным оказывается прагматическое значение принадлежности объекта своему или чужому пространству. Границы личностного пространства в принципе не могут быть четко очерченными, они диффузны и подвижны, в него по воле посессора могут включаться и из него исключаться все объекты, в том числе и те, которые трактуются как объекты неотчуждаемой собственности.

Посессивное значение определенного члена в македонском языке в тексте, как правило, подкрепляет другие средства выражения принадлежности (лексические и грамматические), как бы усиливая общее значение принадлежности, конкретизируя его, эмоционально окрашивая. Это, вероятно, связано с общебалканской тенденцией к редупликации элементов в синтагматической цепочке и усилению значения (местоименная реприза, двойная определенность, нанизывание кратких форм личных местоимений и т.п.).

Список источников с сокращениями

- URL: <http://forum.carclub.mk>. (дата обращения: 12.11.2012).
- URL: <http://forum.kajgana.com> (дата обращения: 12.11.2012).
- URL: <http://www.ringeraja.mk>. (дата обращения: 12.11.2012).
- URL: www.forum.femina.mk. дата обращения: 12.11.2012.
- Андр. – *Андреевски П.М.* Пиреј. Скопје: Три, 2009. 252 с.
- Арс. – *Арсовски Т.* Парадоксални раскази. Скопје: Македонска книга, 1972. 131 с.
- Влад. – *Владова Ј.* Мојот пријател А. Скопје: Култура, 2002. 137 с.
- Ѓорѓ. – *Ѓорѓевски Б.* Сите тие краевци. Антолог, Скопје, 2012. 96 с.
- Дир. – *Дирјан Л.* Снег за двајца. Скопје: Независни писатели на Македонија, 2011. 190 с.
- Крле – *Крле Р.* Антица / Македонската драма меѓу двете светски војни. II книга. Приредил Александар Алексиев. Скопје: Македонска книга, 1976. С. 91–180.
- Крст. – *Крстевски Х.* Ветришта над Равен.

Битола: Микена, 2008. 255 с.

Плав. – *Плаветски В.* Последниот сплавар на Вардар. Скопје: Македонска реч, 2010. 249 с.

Трендо – *Мацановски С.* Трендоленд: слободна територија. Скопје: Табернакул, 2011. 680 с.

Чаш. – *Чашуле К.* Само сказни: за родот и за себеси. Скопје: Мисла, 2000. 308 с.

Чин.₁ – *Чинго Ж.* Големата вода. Сребрените снегови. Скопје, Мисла, 1984. 324 с.

Чин.₂ – *Чинго Ж.* Образов; Кенгурски скок; Макавејските празници; Сурати; Под отворено небо; Работници. Скопје: Култура, 1992. 722 с.

Џамб. – *Џамбазов И.* Гол човек (*Arbutus Andrachne*). Скопје: Танграм, 2005. LV с.

Список литературы

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М.: пик ВИНТИ, 1986. Вып. 28. С.272–298.

Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 136 с.

Боронникова Н., Овчинникова Е. Оценочная семантика неопределенного местоимения еден в македонском языке // Славяноведение. 2009. №5. С.86–96.

Боронникова Н.В. Дейктические показатели македонского языка как способ организации личного пространства // Славянский альманах: 2010. М.: Индик, 2011. С.393–402.

Боронникова Н.В. Проблема «двойной определенности» в современном македонском языке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып.5(11). С.58–68.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.

Головачева А.В. Категория посессивности в плане содержания // Категория посессивности в славянских и балканских языках / Ин-т славяноведения и балканистики; отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1989. С. 44–111.

Журиная М.А. О выражении значения неотторжимости в русском языке // Семантическое и формальное варьирование. М., 1979. С.295–347.

Журиная М.А. Посессивность // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н.Ярцева. 2-е изд. М.: Большая рос. энцикл., 1998. С.388–389.

Иванов Вяч. Вс. Синхронная и диахронная типология посессивности // Категория посессивности в славянских и балканских языках / Ин-т славяноведения и балканистики; отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1989. С. 5–43.

Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје: Култура, 1967. 552 с.

Миркуловска М. Македонското еден во членска употреба покрај придавски номинализации и

неговиот полски превод // Славистички студии. Скопје, 2002. № 10. С.257–263.

Митковска Л. Изразување на посесивни релации во рамките на именската синтагма во македонскиот јазик: Посебен отпечаток. Скопје, 2003. С.41–68.

Митковска Л. Проширување на употребата на македонскиот предлог на надвор од посесивниот домен: Посебен отпечаток. Скопје, 2008. С.235–252.

Митковска Л. Македонските се-конструкции и нивните еквиваленти во англискиот јазик: когнитивна студија. Скопје: Македонска реч, 2011. 211 с.

Молошная Т.Н. План выражения категории посессивности // Категория посессивности в славянских и балканских языках / Ин-т славяноведения и балканистики; отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1989. С.112–215.

Николаева Т.М. Посессивность и другие содержательные категории в высказывании // Категория посессивности в славянских и балканских языках / Ин-т славяноведения и балканистики; отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1989. С.216–246.

Плунгян В.А. Посессивность // Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: учеб. пособие. М.: РГГУ, 2011. С.236–246.

Поварница М. Кон употребата на еден како показател на неопределеноста во македонскиот јазик: Посебен отпечаток. Скопје, 1996. С.59–67.

ТФГ – Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / отв. ред. А.В.Бондарко. СПб.: Наука, 1996. 230 с.

Тополињска З. Граматика на именската фраза во македонскиот литературен јазик. Род, број, посоченост. Скопје: МАНУ, 1974. 156 с.

Тополињска З. Македонски еден – неопределен член? // Македонски јазик. 1981–1982. XXXII–XXXIII. С.705–715.

Тополињска З. Тројниот член: да или не // Зборникот предавања на XXXIX меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје: Универзитет „Св. Кирил и Методиј“; Семинар за македонски јазик, литература и култура, 2007. С.15–25.

Топоров В.Н. О некоторых предпосылках формирования категории посессивности // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии, категория посессивности / отв. ред. Л.Э.Калнынь, Т.Н.Молошная. М.: Наука, 1986. С.142–167.

Усикова Р.П. Грамматика македонского литературного языка. М.: Муравей, 2003. 376 с.

Чинчлей К.Г. Поле посессивности и посессивные ситуации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / отв. ред. А.В.Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С.100–118.

Цивејан Т. Кон категоријата на деиксисот во балканскиот јазичен сојуз (балканословенскиот фрагмент): Посебен отпечаток. Скопје, 1987. С.121–129.

Friedman V.A. The indefiniteness of ‘one’ in its Macedonian and Balkan context // Македонски јазик, литература и култура: Зборник реферати од Четвртата североамериканска славистичка конференција за македонистика. Охрид, 5–6 август, 2000. Скопје, 2001. С.25–33.

ABOUT THE POSSESSIVE FUNCTION OF THE ARTICLE IN THE MACEDONIAN LANGUAGE

Nataliya V. Boronnikova

Reader of General Linguistics and Slavonic Languages Department
Perm State National Research University

In the article the possessive meaning of the definite article in the Macedonian language is under consideration. The possessive meaning is based on the subject's will to appropriate the world, to include in his/her personal space animate and inanimate objects. The communication structure of the article system in the Macedonian language allows to contrast the space of the first (proximity), second (mediality) and third (distality) persons. For the speaker it is important to contrast his/her personal space to someone else's space. Neutral contrast is signified by the markers of proximity and mediality; value-oriented possessiveness is based on the contrast of proximality and distality. The person's own space is conceived as close, inner, habitual and good, while the alien space is conceived as distant, external, new and negative.

Key words: possessiveness; definite article; semantics; Macedonian language.